

HARLEQUIN®

058

Хелен Диксон

ДОЗЯИН
СТОУНГРЕЙВ-ХОЛЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Хелен Диксон

Хозяин Стоунгрейв-Холл

«Центрполиграф»

2013

Диксон Х.

Хозяин Стоунгрейв-Холл / Х. Диксон — «Центрполиграф»,
2013 — (Исторический роман – Harlequin)

Виктория Льюис возвращается в родные вересковые пустоши Йоркшира после обучения в пансионе. На пустынной дороге ее сбивает с ног бесцеремонная всадница. Надменная аристократка Клара готова сломать хлыст о несчастную девушку, но на помощь Виктории приходит решительный незнакомец. Клара, стремящаяся заполучить лорда Рокфорда в мужа, с трудом подавляя ярость, замечает искру, вспыхнувшую между молодыми людьми. Очарованная гордым всадником, Виктория узнает, что вместе с больной матерью ей придется переселиться в мрачный Стоунгрейв-Холл на попечение хозяина – лорда Лоуренса Рокфорда. Вынужденная противостоять угрюмому гордецу, Виктория на каждом шагу бросает хозяину вызов. Гнев лорда может сравниться только с желанием поцеловать несносную, но очаровательную гостью...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хелен Диксон

Хозяин Стоунгрейв-Холл

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Master of Stonegrave Hall Copyright © 2013 by Helen Dickson
«Хозяин Стоунгрейв-Холл» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

1820 год, конец весны

Дилижанс остановился во дворе постоялого двора Молтона, городка ярмарок, расположенного в Северном Райдинге¹ графства Йоркшир, примерно на полпути между Йорком и Скарборо², что составляло около двадцати миль. Первой из него вышла Виктория и стала высматривать, нет ли поблизости форейтора³, который помог бы с багажом. Ей хотелось войти в постоялый двор перекусить, но впереди ждала еще одна поездка, и не терпелось отправиться в путь до наступления темноты.

На Виктории было платье цвета корицы и шляпка в тон. Свежий ветерок играл мягкими завитками волос, спускавшимися до плеч, и оборками платья. Ее лицо покраснело. Ладная и элегантная, она привлекала взгляды мужчин, многие из которых оборачивались, проходя мимо, и без стеснения восторгались ее красотой.

Постоялый двор заполнили коммерсанты, путешественники, многие сидели, ожидая прибытия дилижансов. Виктория радовалась, что сегодня не суббота, когда устраивались базары, на которые приезжали большей частью целые семьи и фермеры из близлежащих местностей, заполняя и город, и соседние дороги. Ей удалось обратить на себя внимание юного форейтора, извлекавшего багаж из задней части дилижанса.

– Простите, – обратилась она к форейтору, когда тот опустил на землю ее дорожные сундуки, – мне к вечеру надо добраться до Эшкомба. В ту сторону что-нибудь едет?

– Только не сегодня, мисс, – ответил он, качая головой. – Вам придется ждать до завтра, правда, если вы, – добавил он, оглядываясь через плечо на то место, где под старыми запыленными часами стояла доверху нагруженная телега, запряженная одной лошадей, – не против воспользоваться вон тем средством передвижения. Том Смит три раза в неделю держит путь в том направлении. Через полчаса он поедет в Кранбек. Он может подвезти вас.

– Я была бы весьма признательна. Вы не проследите за тем, чтобы мои сундуки перенесли туда? – Виктория передала форейтору монетку и чуть не подпрыгнула, когда раздался металлический гудок рожка, возвестивший о прибытии очередного дилижанса.

Парень широко улыбнулся и спрятал монетку в карман.

– С радостью, мисс. Но сначала я переговорю со старым Томом.

Виктория уже собралась последовать за ним, как прибывший дилижанс резко остановился. Дверца неожиданно распахнулась. Она не успела отскочить, и дверца стукнула ее по спине. Сильный удар застиг врасплох, лишь каким-то чудом девушка сумела удержаться на ногах. Из дилижанса вышел стройный светловолосый молодой человек с худым лицом, загоревшим в теплых краях, в элегантных габардиновых бриджах и фраке в сопровождении женщины. Он был явно взволнован. Оглянулся и сердито уставился на Викторию:

– Господи, барышня! О чем вы только думаете, стоя на пути дилижанса!

– Я... я понимаю, но моей вины тут нет, – возразила она, дрожащими руками поправляя шляпку.

– Конечно, вовсе нет, – подтвердила юная леди в серебристо-сером наряде, поспешившая на помощь Виктории. Ее прелестное лицо выражало тревогу. – Вам больно? Вы позволите мне помочь вам?

– Спасибо, я не пострадала. Этот джентльмен...

¹ Так называется одно из трех административных делений графства Йоркшира. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Скарборо – морской порт на востоке Йоркшира.

³ Фореитор – верховой, правящий передними лошаадьми.

– Это мой муж.

– Да, он совершенно прав. Мне не следовало стоять так близко к дилижансу. Но вы же видите, какая здесь толчея. Я сама только что приехала в Молтон.

– Ладно, вы, похоже, не пострадали, – заключил молодой человек, нахлобучивая цилиндр на голову. Он был немного встревожен, пристально взглянул на Викторию, явно не желая задерживаться. – С вами все в порядке?

Несмотря на острую боль в руке, которую Виктория, видно, ушибла, когда ее задел дилижанс, она ответила утвердительно.

– Значит, все обошлось. – Он бросил последний быстрый взгляд на нее, затем обратился к жене: – Идем, Диана. Нам нельзя опаздывать. Я вижу, экипаж Бартлета уже здесь.

– Да, я тоже вижу его. Ты иди, я догоню тебя.

Он с безразличным видом удалился, даже не обернувшись.

– Простите. Вам точно не больно? – спросила женщина по имени Диана, явно огорченная неучтивостью мужа. – Мы вернулись из-за границы, и моему мужу не терпится скорее вернуться домой. Он... он...

– Прошу вас, не волнуйтесь, – успокоила Виктория. – Правда, со мной все в порядке, просто я немного запыхалась.

Женщина с тревогой взглянула в сторону удалявшегося мужа.

– Вам лучше не задерживаться. Ваш муж уже ушел далеко, – улыбнувшись, сказала Виктория.

– Если вы уверены, но все-таки не могу ли я чем-то помочь вам?

Виктория заметила в ее глазах доброту и тревогу и покачала головой:

– Вы очень добры, но я цела и невредима.

– Ну, раз вы в этом уверены.

– Полностью. Спасибо за участие.

Виктория наблюдала, как Диана побежала за мужем через двор. Несмотря на то что успокоила женщину, она все еще не пришла в себя, рука сильно разболелась. Виктория зашагала к телеге, державшей путь к прибрежному городку Кранбеку.

– Буду рад вашей компании, – приветствовал ее возница Том Смит, опуская мешок в телегу. – Имейте в виду, у меня не хватит времени отвезти вас до самого Эшкомба. К вечеру я должен быть у сестры в Кранбеке, что далеко от пустоши. Ночью на прибрежной дороге попадаются разные злодеи. Утром на обратном пути я могу привезти ваши сундуки.

– Вы совершенно правы, мистер Смит. Я согласна. Только отчаянный смельчак решится пересекать пустошь с наступлением темноты. Можете высадить меня в конце дороги в Эшкомб. Я сама легко доберусь до деревни.

– Тогда договорились, – согласился Том Смит и без лишних слов помог Виктории забраться в телегу.

Пока они ехали вверх по склону, пахотная земля, важная часть пейзажа йоркширской низины, плавно переходила в пустошь. Путь пролегал через озаренный солнечными лучами лес, вдоль поросших травой крутых склонов, телега спускалась в долины, пока не достигла узкой дороги, уходившей влево к небольшой деревушке Эшкомб.

– Мисс, это место вас устроит? – спросил Том Викторию, спрыгнувшую с телеги.

Она поправила шляпу и улыбнулась ему:

– Вполне. Спасибо, что подбросили меня. Мистер Смит, вы ведь привезете мой багаж в коттедж на обратном пути?

– Конечно. Я позабочусь об этом. Я доvez бы вас до места, но мне уже пора ехать в другую сторону.

– Ничего страшного. Я с удовольствием прогуляюсь. Том дотронулся до кепки и поехал дальше.

– Берегите себя.

Когда он скрылся из вида, Виктория некоторое время постояла на месте, наблюдая за простирившимся перед ней пейзажем. Она оказалась во власти очаровательной бескрайней тихой пустоши, холмов, переплетавшихся долин, участков зеленой и бурой земли. Глубоко вдыхала свежий воздух с ароматом моря, шумевшего за пустошью. От запахов уходящей весны и первых лепестков кружилась голова. Скоро появится вереск, а в июле эти холмы покроются яркими розовыми и пурпурными цветами.

В двух милях отсюда среди холмов приютилась деревушка Эшкомб, тихое место среди темневшей пустоши, быстрых рек, неровных рядов коттеджей с красными крышами и дымящимися трубами. Виктория почувствовала волнение, которое охватывало ее всякий раз, когда возвращалась домой, и глубоко вздохнула, предвкушая радостную встречу. Чем больше она смотрела, тем больше ей хотелось дать волю радостным чувствам и побежать. Невозможно скрыть любовь к этой дикой открытой местности. Ее радость была искренней. Подул свежий бриз, Виктория пошла вперед, наслаждаясь каждым мгновением.

Эшкомб стал ее домом, хотя она здесь не была очень долго. Жизнь в школе-интернате Йорка и общественные мероприятия местного значения, которые Виктория посещала вместе с подругой Амелией и миссис Фенвик, ее матерью, не давали скучать, однако Эшкомб и мать оказались дороже всего и манили домой, точно яркий маяк на далеком холме. Здесь Виктория снова вернется к неторопливому ритму сельской жизни.

Ее внимание привлекло неожиданно сверкнувшее алое пятно. Она застыла на месте и уставилась на него. Какая-то женщина скакала на коне вдоль ручейка, бегущего по долине. За ней гнался мужчина на гнедой лошади. Видно, тот изо всех сил пытался нагнать ее. Оба неслись по пустоши с сознанием того, что Бог дал их семье право обладать этими землями. Они скакали по склонам с властным и надменным видом.

Виктории не терпелось увидеть мать, тревожась о ее здоровье. С сумкой в руке она шла по дороге, радостно улыбаясь овцам, щипавшим короткую траву на обочине. Вдоль дороги тянулась узкая канава. Когда Виктория приблизилась к сужавшемуся и резко сворачивавшему в сторону участку, ее мысли прервала всадница в алой экипировке, несшаяся прямо на нее. Но слишком поздно, лошадь оказалась почти рядом, и Виктория, издав крик, бросилась в канаву головой вперед.

Преыдущим днем шел дождь, ил и трава на дне пропитались влагой. «О боже, – с ужасом подумала девушка, затаив дыхание, оцепеневшая и потрясенная. Она знала, что не ушиблась, хотя еще раз ударилась больной рукой, но чувствовала, как злость берет верх над ней. По правде говоря, Виктория пришла в бешенство.

Подняв сумку и выбравшись из канавы, она с открытым ртом уставилась на женщину. Шляпка повисла, волосы спутались, платье перепачкалось. Женщина уже остановила лошадь и надменно взирала на нее, затем заговорила пронзительным высокомерным голосом:

– Почему вы не смотрите, куда идете? – Затем с ноткой озабоченности спросила: – С вами все в порядке?

Виктория Льюис, продукт восемнадцатилетнего продуманного воспитания, пятилетнего обучения в школе-интернате мисс Карвер для юных девушек Йорка, до сих пор выпускавшей очаровательных, обладавших чувством собственного достоинства леди, подняла голову, с открытой враждебностью разглядывая незнакомку. Тон этой женщины, снисходительный, властный и в то же время чуть презрительный, довел ее до ярости.

– Ваша лошадь чуть не задавила меня. – Виктория кипела от злости. – Разумеется, со мной не все в порядке. Это вам следовало смотреть, куда скачете. Я ведь могла погибнуть.

Смелость девушки и резкий ответ разгневали наездницу, а испуг от того, что девушка могла пострадать, точно ветром сдуло.

– Как вы смеете так разговаривать со мной! – Эти слова прозвучали оглушительно, будто их произнесла настоящая мегера.

– Еще как смею. И буду говорить с вами именно так. Только посмотрите на свою бедную лошадь. – Виктория показала на беспокойного взмыленного скакуна. – Теперь взгляните на меня, – и указала на свое перепачканное платье.

– Вы сами виноваты. Если бы не шли посреди дороги, не свалились бы в канаву.

Виктория смотрела на красивое надменное лицо наездницы, в серые горящие глаза. На голове женщины была высокая алая шляпа, украшенная перьями в тон бархатному костюму с белыми рюшами у шеи. Узкая талия и прилежавший лиф подчеркивали роскошное тело, густые светлые волосы удерживала сетка. Очевидно, наездница принадлежит к аристократическому роду, однако после стычки с мужчиной у постоялого двора и этого случая Виктория не собиралась отступить ни перед чьими угрозами.

– Я? Если бы вы до смерти не загнали лошадь, я бы не упала! – не удержавшись, ответила она. – Вас вообще не следует пускать на дорогу. Вы всегда скачете, точно помешанная?

Лицо женщины превратилось в негодующую маску, она не верила своим ушам.

– Как вы сказали? Что вы себе позволяете, маленькая наглая распутница! Лучше следите за своим языком. Клянусь, вы поплатитесь за эту дерзость. – Точно стрела, рука женщины с хлыстом взмыла вверх. Она закричала негодующе: – Как вы смеете говорить мне такое! *Мне!*

В это мгновение показался другой всадник. Он заметил, как девушка, стоявшая на дороге, схватила Клару за руку и вырвала у нее хлыст, затем быстрым движением сломала его и отправила в канаву.

– Вот так. Там ему и место. Кто вам дал право поднимать руку на меня! У вас такая привычка – скакать повсюду и избивать людей?

– Что здесь происходит? – раздался низкий хриплый голос. – Клара? Что все это значит? Мне это напоминает маленький бунт.

Его отвлекла лошадь. Недовольная тем, что ее остановили на полном скаку, она собиралась двинуться дальше. Прежде чем ее удалось усмирить, она развернулась и стала приближаться к Виктории. Девушка, всегда боявшаяся лошадей, настороженно следила за животным и пятилась назад.

Внимание Клары отвлекло появление спутника. Она повернулась к нему, на ее лице вспыхнул румянец, оно подобрело, глаза загорелись. «Вот это да, – подумала она, – похоже, джентльмен зажег огонь внутри ее». Нежные чувства женщины к мужчине стали более чем очевидными.

– Эта... эта девушка шла посреди дороги, а когда появилась я, она потеряла равновесие и свалилась в канаву, – путано объясняла Клара уже более дружелюбно. Она была явно не в силах оторвать глаз от своего спутника.

– Неужели вы и ваше животное должны занимать всю дорогу, а простым смертным остается лишь прижиматься к обочине? – вспыхнула Виктория, чувствуя, что пора напомнить женщине о своем присутствии.

Клара взглянула на нее, но обратилась к мужчине:

– Еще ни разу меня так не оскорбляли! Когда я спросила, все ли с ней в порядке, эта девчонка назвала меня идиоткой и помешанной. Только представь себе! Какая наглость!

– Вы такая и есть, – вспыхнула Виктория. – Я не жалею о том, как назвала вас. Меня могли затоптать насмерть или покалечить.

– Я не знаю, кто вы. Девочка, следите за своим поведением, если хотите, чтобы для вас все обернулось хорошо. Кто вы такая? Ну? – сурово спросила Клара излишне громким голосом, несмотря на то что кругом стола тишина. – Где живете?

– В Эшкомбе. – Виктория гордо подняла голову и посмотрела прямо в сощуренные глаза Клары. – К тому же вам не стоит орать, я не глухая.

Сверля джентльмена беспокойным взглядом, свойственным молодым людям, Виктория потеряла дар речи, ибо мужчина был явно рассержен. Неопишное благоговение, очарование завладело ей, пока она разглядывала его. На уроках Виктория изучала животных, чтобы мгновенно опознать самца-лидера. Не оставалось сомнений, этот всадник принадлежал именно к такому типу.

Высокий и худощавый, с широкими плечами, расправившими швы хорошо скроенной куртки оливкового цвета. Бриджи табачного цвета плотно облегли сильные ноги, обхватившие бока коня. Коричневого цвета сапоги начищены до блеска. Он был без головного убора. Смуглая кожа, брови, которые больше привыкли хмуриться. Четко очерченный рот таил в себе нечто жестокое, квадратный подбородок казался решительным и высокомерным. Это лицо говорило, что его обладатель ни во что не ставит глупцов, в фиолетово-голубых, точно аметист, неотразимых глазах, настороженных и насмешливых, прыгали серебристые искорки, точно предупреждая об опасности. Будто мужчина считал весь мир забавным местом, при условии, что тот не вторгается в *его* жизнь. Лицо выдавало решительный характер. Неукротимая гордость, ум и грубая сила запечатлелись в каждой черточке. В том, как он держал голову и беспечно сидел на коне, чувствовалась дерзость. Даже его тень на земле казалась материальной. Виктория заподозрила, что он улыбается не очень часто. Напряженный непреклонный взгляд неподвижно застыл на ней. Она поежилась от страха и благоговения. Забыла о приличиях и смотрела на него непозволительно долго, думая, что перед ней сложный, резкий, тонко чувствующий человек с переменчивым характером, большинство граней которого скрыты от постороннего взора. Виктория почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Казалось, мужчине каким-то образом удалось прочесть ее мысли. Он не был классическим красавцем, однако с прядью непослушных черных как смоль волос напоминал пирата, разбойника с большой дороги, даже самого черта.

«Да», – подумала Виктория, чувствуя, как внутри все переворачивается. Она угадала в нем нечто суровое, что наверняка могло бы привести в трепет самых опытных женщин. Он взволновал ее, разбудил чувства. Она пыталась отделаться от этой мысли.

– Вижу, вы попали в переделку. Слава богу, целы, – оценил мужчина. – Вы не ушиблись?

– Нет, но взгляните на мою одежду, – ответила Виктория, расстроенная тем, что предстанет перед матерью в таком виде, а хотелось вернуться домой в безупречной одежде. – Она безнадежно испорчена.

Лоуренс Рокфорд взглянул на нее с интересом и нахмурил лоб. Хладнокровный ответ девушки удивил его. На ней была шубка до колен в тон платью. Выражение лица, одновременно настороженное, вызывающее и самоуверенное, заинтриговало его и показалось знакомым, хотя он никак не мог вспомнить, где видел его.

Когда Виктория подняла голову, его взгляд остановился на ее изящной шее и кружевной косынке. Он неожиданно почувствовал вожделение, о чем Виктория не догадывалась. Темно-каштановые волосы массой завитков ниспадали на ее плечи, являя великолепное зрелище. Когда Виктория упала в канаву они спутались, высвободившись от заколок. Золотистые пряди, освещенные солнцем, мерцали среди беззаботных локонов. У него появилось нелепое желание спешиться и потрогать пышную шелковистую гриву и красивые щеки, тронутые румянцем. У девушки были идеальные черты лица, из-за густой каймы черных как смоль ресниц теплым янтарным цветом светились глаза. Нежные розовые губы соблазняли. Можно представить, как они смеются, но сейчас уголки опустились, глаза горели ярко, как и у высокомерной Клары.

Лоуренс скользнул взглядом по испачканному платью, задержался на выпуклости груди, вздымавшейся под шубкой. Виктория, изящная, словно сотканная из негодования, сердито взирала на него. От обиды на ее щеках появились два красных пятна. Не многовато ли унижений за один день?

– Как жаль. Но я уверен, грязь можно отстирать, – сказал Лоуренс, будто отмахиваясь от Виктории, а сам подумал: вряд ли мужчина смог бы оторвать глаз от столь очаровательного существа, и взглянул на спутницу. – Клара, тебе, наверное, чертовски хотелось обогнать меня, потому и понесло кратчайшим путем. По-моему, это мошенничество.

– Я уже жалею об этом, – раздраженно ответила Клара. – Иначе бы, к своему несчастью, не наткнулась на эту девушку.

Виктория смотрела на нее, пылая праведным гневом, джентльмен не сдвинулся с места, насмешливо приподнял бровь, будто находя эту ситуацию забавной. Но, боже мой, этой женщине хватило наглости огрызаться и взвалить всю вину на девушку! Виктория расправила плечи, подняла голову, ясно давая понять, что не собирается переходить к обороне.

– Я вам не девушка, – выпалила она. – Неужели вам не достанет порядочности хотя бы извиниться?

– Ни за что. – Холодные глаза Клары сверлили Викторию. – Даже не подумаю. Мне не за что извиняться.

– Будет вам, барышни. Насколько я понимаю, вы обе ни в чем не виноваты. Конечно же это просто несчастный случай. – Лоуренс смотрел на Викторию с неодобрением. – Но и вспыльчивы же вы, барышня. Если не сумеете обуздать свой нрав, беды не миновать.

– К тому же она очень груба, – добавила Клара.

Эти слова не только не заставили Викторию молчать, но и вызвали новый прилив гнева.

– Я бы не стала называть это грубостью, скорее заслуженным возмездием. Мне неприятны люди, замахивающиеся на меня хлыстом. – Виктория посмотрела джентльмену прямо в глаза. – Сэр, вам следовало бы внимательнее следить за своей женой.

Клара повернулась к Лоуренсу и чуть насмешливо приподняла изящную бровь.

– Жена, – тихо пробормотала она. Выражение ее лица смягчилось, когда она нежно взглянула на мужчину. – Хорошая мысль.

– Вы ошибаетесь, – растягивая слова, устало произнес джентльмен, избегая смотреть Кларе в глаза. – Она не моя жена. – «И никогда ею не будет».

«Даже нечего стараться», – подумала Виктория, заметив, как сердито сверкнули от огорчения глаза женщины. Она догадалась, что джентльмен рассеян и не собирается затевать разговор о браке, в отличие от своей спутницы. Виктория осознала собственную ошибку и при других обстоятельствах мучительно переживала бы подобный промах, однако сейчас ей было все равно. Когда лошадь женщины захотела дотянуться до нее, она отскочила.

Позабавленная ее пугливостью, Клара рассмеялась, чуть приподняв красивые брови:

– Не пугайтесь. Она не кусается.

– Мне приходится полагаться лишь на ваше слово, – с негодованием ответила Виктория. – Если лошадь такая же, как и хозяйка, у меня есть все основания опасаться. Извините, мне пора идти.

– Вы точно не ушиблись? – спросил джентльмен, томно глядя на нее, одарив плутоватой улыбкой, отчего глаза женщины гневно сверкнули.

Вспомнив, что сегодня мужчина вторично задает этот вопрос, Виктория не отвела взгляд. Сверкавшие голубые глаза разглядывали ее с огромным интересом, будто она достойна пристального и глубокого изучения. В то же время его глаза излучали неподдельный восторг. С каждым мгновением казалось, будто Виктория съезживается все больше.

– Со мной все в порядке, – ответила она и тут же отвела взгляд.

– Вы в Эшкомб?

– Да, но это вас не касается.

– Как раз наоборот, касается, – вкрадчиво ответил Лоуренс.

– Каким образом?

– Вы находитесь на моей земле.

После этого заявления наступила оглушительная тишина.

– Понимаю, – ответила Виктория тихим сдавленным голосом, догадавшись, с кем разговаривает, и поняла, что угодила в ловушку. Тем не менее постаралась не показать это. – Вы – лорд Рокфорд!

До этого Лоуренс был удивлен, сейчас же немного растерялся.

– Вы слышали обо мне?

– Кто же в этих краях не слышал о вас?

Опасаясь потерять самообладание, Виктория кивнула и пошла дальше.

Клара провожала ее взглядом, затем в отчаянии набросилась на Лоуренса, видя, как тот теплым взглядом провожает удаляющуюся девушку. Обидевшись на то, что он смотрит на нее совсем не так, Клара дала волю гневу, злобно сверкнув глазами.

– Почему ты ничего не сделал? Поверить не могу, эта девчонка сломала мой хлыст. Я не знаю, кто она, но клянусь, она поплатится за это. Неотесанная наглая девица. Ее следует поставить на место. – Она не сводила глаз с удалявшейся девушки с прямой спиной и высоко поднятой от негодования головой, шляпка которой прыгала на спине.

– За что? За сломанный хлыст или уязвленную гордость? Будь разумной, Клара. Ты ведь собиралась ударить ее. Она лишь защищалась.

Клара посмотрела на него в упор, лицо исказил гнев. Она пыталась скрыть боль, вызванную его явным интересом к Виктории.

– Как ты смеешь занимать сторону этой девчонки и выступить против меня! Она всего лишь выскочка.

– Не говори глупостей. Успокойся. Держи эмоции в узде. Ты и так загнала ее в канаву. Меня удивляет то, как ты на это отреагировала. В обычных условиях ты бы даже не снизошла до того, чтобы заговорить с такой девушкой, тем более признать ее существование, пытаешься нанести удар.

– В любом другом случае я бы осадил ее за такую дерзость, но не могла же я проехать мимо, когда она упала в канаву.

– Если бы ты ударила ее хлыстом, могли бы возникнуть большие неприятности. Поехали. Я провожу тебя до Грейнджа.

Разозленная и обиженная его безразличием, Клара решительно потянула поводья, развернула лошадь и ускакала, смахнув предательскую слезу, катившуюся по щеке.

Диана, ее сестра, вышла замуж за Натана, младшего брата Лоуренса, а Кларе хотелось любой ценой заполучить в мужья Лоуренса Рокфорда, только что вернувшегося из зарубежных странствий. Но тот относился к ней чуть вежливее, чем к слугам. Клара смотрела на него с нескрываемой тоской всякий раз, когда он навещался к брату в Грейндж. Вопреки циничному поведению, в нем чувствовался самец, привлекательный, как грех, и столь же озорной. При этой мысли ее сердце билось быстрее. Каждый, кто заглядывал в эти циничные голубые глаза, догадывался, что в превосходном Лоуренсе затаился отнюдь не робкий наивный дух. Скакал ли он верхом, танцевал ли на балу, он выглядел в кругу спутников пантерой среди безобидных котят.

Вдруг Лоуренс вспомнил, что забыл спросить имя юной леди. Нет сомнений, она одна из девушек, живущих в деревне. Он пожал плечами и продолжил путь.

Как только лорд Рокфорд и его спутница скрылись из виду, Виктория замедлила шаг. Нервы натянулись, гнев не знал границ. Постепенно шок и возмущение тем, что с ней говорили свысока и чуть не ударили хлыстом, проходили. Виктория чувствовала стыд оттого, что только что вела себя неподобающим образом в присутствии лорда Рокфорда из Стоунгрейв-Холл.

А та женщина, кем бы она ни была, выказала невоспитанность и высокомерие. Видно, выходка наездницы и реакция самой Виктории говорили о том, что годы, проведенные в

школе-интернате, где твердили о необходимости всегда вести себя с достоинством, грациозно и утонченно, ее ничему не научили. Она по-прежнему оставалась дочерью учителя деревенской школы, и люди вроде Клары всегда напомнят об этом. Виктория надеялась, что больше не увидится с той парочкой. Такие люди жили в недостижимом для нее мире и поэтому навсегда исчезнут из ее жизни.

Виктория добралась до деревни. В огромном пространстве, покрытом вереском, паслись овцы, деревенские жители занимались своими делами. В дальнем конце зеленого луга находился постоянный двор «Погонщик скота» и кузница мистера Прайса. На следующем доме красовалась вывеска мастерской по ремонту колес, далее булочная мистера Уоллера, затем мясная лавка, после нее деревенский магазин, в котором продавалось все, что могло понадобиться в сельской жизни.

Взгляд Виктории застыл на здании в стороне от деревни, в конце мощеной дорожки напротив церкви. К горлу подкатился ком. Это была школа, где учительствовал ее отец. После его смерти они с матерью перебрались в коттедж за церковью. Дойдя до него, она открыла ворота, подошла по короткой тропинке к двери и заметила, что цветник зарос и требует немедленного ухода. Виктория потянула за ручку и обнаружила, что дверь заперта. Она приблизилась к окну и заглянула внутрь. Матери не было видно, огонь в камине не горел. К тому же Виктория не увидела знакомого стола и кресел у камина. Она нахмурилась и отступила от окна. Может быть, миссис Ноулс, жившая по ту сторону дороги, знает, где разыскать мать.

Миссис Ноулс, невысокая занятая, домовитая вдова, жившая вместе с сыном Недом, всегда с добротой относилась к ней и матери. Сын занимался лошадьми хозяина в Холле. Увидев Викторию на пороге дома, миссис Ноулс от удивления раскрыла рот, обрадовавшись, и пригласила ее войти в дом.

– Вы только взгляните. Ты стала настоящей красавицей. Мать будет горда тобой.

В коттедже было тепло, среди запаха выпечки чувствовался аромат пчелиного воска. К деревянному полу были прикреплены ковры, к камину придвинуты два удобных кресла, под окном на столе с раздвижными ножками лежала стопка аккуратно сложенного белья, стоял медный кувшин с весенними цветами.

– Наверное, тебе не терпится узнать, где мама.

Миссис Ноулс предложила ей сесть у камина и выпить чашку чая. Виктория отказалась.

– Да, миссис Ноулс. Я хотела преподнести ей сюрприз. Я... я знаю, в последнее время ей нездоровится. Я очень переживала за нее. Потому и приехала, не могла больше оставаться в школе, зная, что она больна.

– Да. Разумеется, ты права. Ей стало совсем плохо после того, как ты вернулась в школу. Я советовала ей написать, чтобы ты вернулась и поухаживала за ней, но она и слышать не захотела об этом.

Виктории стало стыдно. Мать начала кашлять больше года назад. В действительности ее уже пару лет донимал кашель, который она называла щекочущим, но отказывалась выяснить его причину. Прошлым летом кашель редко прекращался, и мать уступила просьбам дочери позволить врачу осмотреть себя. Тот подтвердил, что у нее чахотка. Смирившись с тем, что жить ей осталось недолго, мать настояла, чтобы дочь вернулась в школу и училась до тех пор, пока болезнь совсем не одолеет.

– Я была нужна матери. Мне следовало остаться здесь.

– Когда ты уезжала, я обещала тебе присмотреть за ней. Имей в виду, я делала все, что могла. Но ей нужен уход, который я не могла обеспечить.

Страх завладел Викторией. Она посмотрела на миссис Ноулс и заметила тревогу в ее глазах. Значит, положение серьезное. Казалось, кровь стынет в жилах.

– Она очень больна, да?

– Да, девочка. Это правда.

– Где же она? Куда ушла?
– Сюда пришел хозяин и забрал ее в Холл.
– Хозяин? – Виктория уставилась на нее. – Лорд Рокфорд? Как странно? Но... я не понимаю. С какой стати?

– Лорд Рокфорд узнал, что матери очень плохо, и решил, что в Холле за ней будут лучше ухаживать. Наверное, это как-то связано с тем, что она служила горничной у его матери.

– Но это было давно, еще до того, как она вышла замуж за моего отца.

– Виктория, как бы там ни было, думаю, хозяин чувствовал себя в долгу перед ней, когда вернулся из Лондона. Он сделал так, чтобы ее перевезли в Холл со всеми удобствами.

– А коттедж? Когда я заглянула в окно, он показался пустым.

– Его готовят для следующего жильца.

– Следующего жильца? – Лицо Виктории побледнело. – Вы хотите сказать, лорд Рокфорд выставил нас из дома?

– Ну, не совсем так.

– Тогда где наши вещи, мебель?

– Все упаковали и отвезли в Холл.

– Но он не имел права. Это наше жилище.

– Тебе по карману оставить его за собой? – тихо спросила миссис Ноулс.

– Разумеется. Отец хорошо позаботился о нас. Как же иначе мать смогла бы отправить меня в школу?

Миссис Ноулс, молча, отвернулась и стала помешивать что-то в горшке, стоявшем на каминной полке для подогревания пищи. Как Бетти сумела отправить дочь в школу, это ее дело, однако миссис Ноулс с самого начала догадалась, что здесь кроется еще что-то.

– Ладно, коттеджем займешься потом, когда поговоришь с матерью. В первую очередь следует позаботиться о ней.

Виктория молчала, раздумывая над тем, что услышала от миссис Ноулс, не веря в случившееся. Она думала о лорде Рокфорде. Черты его лица хорошо запечатлелись в ее памяти. Она не сомневалась, что этот мужчина сыграет какую-то роль в ее жизни, займет важное место.

– Вы правы. Я должна увидеть мать. – Виктория преодолела боль, теснившую грудь. Не хотелось думать о своем доме. Мать все объяснит. Однако Виктории претила мысль снова встретиться с лордом Рокфордом.

– Скоро стемнеет, а к Холлу добираться через пустошь долго. Ты же не собираешься туда в такую пору. Кто знает, что может случиться с девочкой, которая идет туда одна.

– Придется, миссис Ноулс. Если пойти прямо сейчас, я успею сразу после наступления темноты.

– Нет, девочка. И слышать об этом не хочу. Нед чем-то занимается позади дома. Я позову его, он отвезет тебя на своей двуколке.

– Спасибо. Я вам очень признательна, миссис Ноулс. Приятно слышать, что вы ухаживали за моей матерью. Не знаю, как отблагодарить вас.

– Перестань. Разве друзья не должны помогать друг другу в трудные времена. Схожу за Недом. Чем раньше ты поедешь, тем лучше.

Нед охотно отвез ее в Холл. Виктория знала его всю жизнь. Этот парень не любил пусто-порожних разговоров. Ее это устраивало, ибо во время поездки до Холла она могла предаться своим мыслям. Она еще ни разу не бывала там, а хозяйина увидела лишь сегодня. В детстве Виктория играла на пустоши, часто стояла у закрытых ворот и смотрела на дом, даже не догадываясь, что однажды войдет в него, да еще при таких обстоятельствах.

Старого лорда Рокфорда все уважали. Его младший сын Натан любил веселье, предпочитал лошадей и деревенские развлечения, тогда как старший сын Лоуренс слыл угрюмым самонадеянным человеком.

Ходили слухи, будто после романтического разрыва Лоуренс покинул Англию и отправился за границу в поисках новых деловых связей. Судя по всему, он здорово преуспел в этом. Поговаривали, Лоуренс приобрел обширные участки земли в Америке, владел флотилией, складами в Америке и Лондоне, забитыми шелками, восточными пряностями, канадскими мехами, станками, которые он продавал ткацким фабрикам Ланкашира⁴. «Рокфорд энтерпрайзиз», его компания, располагалась в Лондоне. Нажив несметные богатства, Лоуренс стал самым влиятельным человеком на севере Англии.

Когда Виктория была маленькой, мать потчевала ее рассказами о времени, когда она служила горничной у его матери, часто говорила о больших празднествах, которые там устраивались во времена прежнего хозяина. Виктория слушала с широко раскрытыми, полными удивления глазами и переживала все в своих мечтах. Она не знала, чего ожидать, когда окажется там. Как поведет себя лорд Рокфорд, увидев ее.

Небо темнело, пока они углублялись в пустошь. Показалась задняя часть Холла, окруженного высокими стенами. Огромное темное и мрачное здание расположилось среди просторных парков, лужаек и выглядело грозно, возвышаясь на три этажа, в небо устремлялись готические башенки.

Проехав через высокие кованого железа ворота, Нед направил лошадь к длинной прямой подъездной дорожке, покрытой гравием, однако нигде не было заметно никаких признаков жизни. Волнение Виктории возросло тысячекратно при виде столь огромного сооружения. Она почувствовала себя ниже ростом и незначительной. Дверь открыла экономка, миссис Хью. Виктория представилась, и миссис Хью впустила ее. Едва успела Виктория войти, как ее тут же окутало тепло от ярко пылавшего огня в глубине каменного камина.

Миссис Хью грустно покачала головой. Как только хозяин узнал о болезни Бетти, он тут же поднял на ноги домочадцев и сделал все, чтобы ее перевезли в Холл.

– Хозяин не жалел ни сил, ни средств, чтобы обеспечить вашей матери уход. Он просто воплощение доброты.

– Я в этом не сомневаюсь и благодарна ему.

– Мисс Льюис, ваша мама очень больна. По правде говоря, она не в силах подняться с постели, – рассказывала экономка тихим безрадостным голосом. – Мне очень жаль.

– Пожалуйста, отведите меня к ней.

– Конечно. Идемте со мной.

Виктория последовала за экономкой по широкой дубовой лестнице и оказалась в длинной галерее. Здесь все выглядело величественно и внушительно. На стенах висели картины в позолоченных рамках, в нишах стояли грациозные статуи, под ногами стелился мягкий персидский ковер. Виктория не привыкла к подобному великолепию, к тому же думала только о матери, поэтому больше ни на что не обращала внимания.

Ее провели на половину прислуги. Преодолев несколько поворотов, они вошли в комнату матери, небольшую, но удобную с великолепным видом на пустошь. На туалетном столике у окна стояли две вазы – одна с цветами, другая с фруктами.

Мать лежала в постели. Ее лицо сохранило прежнюю красоту, хотя кожа, в силу возраста, поблекла. Длинные седые волосы были заплетены и спускались на плечо. Кожа была столь бледной, что казалась почти прозрачной. Когда-то высокая и изящная, сейчас она совсем исхудала, губы посинели.

⁴ Ланкашир – графство в Великобритании.

Виктория знала: мать всегда старалась изо всех сил, но никогда не любила ее так сильно, как отец, редко брала ее на руки. Она не помнила, чтобы мать приходила поцеловать ее перед сном, за редкими случаями, когда болела в детстве. Когда Виктория пыталась обнять мать, ее нежно отстраняли, говоря: «Не сейчас, Виктория. Мама устала». Отец проявлял к ней больше любви, качал на коленях, читал разные истории, по-медвежьки обнимал, когда она ушибалась. Виктория все время думала, что доставляет матери слишком много неприятностей и поэтому та обрадовалась, когда дочку отправили в школу. Лишенная отца, девочка скрывала боль, замкнулась в себе и какое-то время пребывала в растерянности. Но теперь, видя, насколько больна мать, решила думать только о хорошем, забыть о непрочности своего положения и постоянной тревоге.

Открыв глаза и увидев Викторию, Бетти слабо улыбнулась:

– Вот это да! Это же Виктория! Неужели это ты? Какой чудесный сюрприз. Я думала, ты приедешь только через несколько недель.

Виктория давно не плакала, с тех пор как умер ее любимый отец. Тогда она была совсем маленькой. Теперь слезы рвались наружу, но она изо всех сил пыталась сдержать их. Приблизившись к постели, взяла мать за руку, наклонилась и поцеловала ее в лоб.

– Мама, я не знала, насколько серьезно ты больна. Правда, не знала. Почему мне ничего не сообщили? Я тут же вернулась бы домой, чтобы ухаживать за тобой.

– Мне не хотелось тревожить тебя. Твое время в школе уже подходило к концу, я знала, ты скоро вернешься. Моя дорогая, не делай такое печальное лицо, – говорила мать, видя, что глаза дочери блестят от слез. После неловкой паузы она тонким пальцем смахнула слезу. В нежных глазах не было страха. – Не переживай.

– Но я очень встревожена. Не понимаю, почему ты в Холле.

– Я была горничной у прежней хозяйки. – Мать улыбнулась. – Лорд Рокфорд очень добр ко мне. Узнав, что я больна и осталась одна, распорядился, чтобы меня перевезли сюда, где за мной можно обеспечить необходимый уход.

Викторию мучили угрызения совести и недовольство тем, что ее лишили возможности позаботиться о матери, когда той впервые в жизни понадобилась дочь. Разве дочери не следует ухаживать за матерью? Виктория взяла руку матери и обрадовалась, когда та не отняла ее. Поскольку мать чувствовала себя очень плохо, она решила не говорить о коттедже. Но хотелось все узнать, и только один человек мог ответить на вопросы.

– Мне следовало остаться здесь и ухаживать за тобой, я уговорила бы тебя не отправлять меня в школу.

– Виктория, я уже не раз говорила, что это делается ради тебя, – прошептала мать, закашлялась, закрыла глаза, глубоко вдохнула и медленно выдохнула, затем продолжила: – Тебе ведь известно, как отец хотел, чтобы ты получила образование.

– А ты хотела, чтобы я стала леди, – заметила Виктория и нежно улыбнулась.

– Но ты ведь стала настоящей леди. Только взгляни на себя, настоящая юная леди. К тому же хорошо училась. Чем бы ты ни решила заняться, тебя ждет прекрасное будущее.

Виктория вспомнила то время, когда ее забрали из сельской школы, директором которой был ее отец, и отправили в интернат в Йорке, чтобы сделать из нее... *Кого?* «Юную леди», – ответила тогда ее мать.

– Тебе нельзя оставаться здесь. Ты вернешься домой? Ведь я рядом и готова позаботиться о тебе.

– Лорд Рокфорд настаивает на том, чтобы я оставалась в Холле. За мной хорошо ухаживают, любые мои желания исполняются.

– Но... лорд Рокфорд! Я слышала, он страшен.

– Не суди о хозяине слишком строго. Любой человек добр по-своему. Никогда не забывай об этом. А в нем много хорошего. Он подтвердил это своим отношением ко мне.

Виктория почти забыла, что умиравший отец просил мать не беспокоиться, говорил, что хозяин позаботится о ней. До сегодняшнего дня она не вспоминала лорда Рокфорда, ни разу не сталкивалась с ним. Была еще слишком юна, подавлена горем и не догадывалась, что когда-нибудь он будет что-то значить для нее.

– Ты должна поговорить с ним, – заговорила Бетти. – Я знаю, он давно желает встретиться с тобой. Мне хотелось бы, чтобы ты осталась здесь со мной. Именно это предложит лорд Рокфорд.

– Понятно. – В действительности Виктория ничего не понимала и собиралась сделать все возможное, чтобы увезти мать домой, но та заметно слабела, у нее закрывались глаза. Поэтому Виктория ничего не сказала. Сидела рядом с матерью, единственным близким человеком в ее жизни, и твердила, что та заслужила, чтобы Бог встал на ее защиту.

Глава 2

Уже стемнело. Лоуренс вернулся домой после того, как проводил Клару до Грейнджа.

Он пересек вестибюль и вошел в свой кабинет. Вскоре явился Дженкинс, дворецкий с подносом с почтой и рюмкой бренди, которое хозяин непременно принимал перед ужином.

– Корреспонденция и бренди, сэр, – робко произнес дворецкий, ставя поднос на письменный стол рядом с хозяином.

Не говоря ни слова, Лоуренс взял рюмку и отхлебнул глоток.

Все это он проделал с точностью человека, танцующего менуэт. Лорд Рокфорд был требовательным хозяином, добивавшимся, чтобы имением и другими делами управляли плавно, точно хорошо смазанной машиной. Чувствовалось, он властен, энергичен и строг. Резкие черты лица, приятная внешность и манера держаться привлекали к нему внимание. Действительно, джентльмена, обладавшего репутацией ловкого дельца с железным характером, нельзя было игнорировать.

Мерилом собственной ценности для него служил упорный труд, количество успешных сделок, заключенных от восхода до заката солнца. Усердие стало визитной карточкой и фундаментом отличной репутации.

Слуги благоговели перед ним, считали суровым, иногда вселяющим страх неприступным божеством и старались всячески угождать.

Дженкинс знал, что хозяин отправился на верховую прогулку с мисс Эллингом, юной леди, которая мечтала стать хозяйкой Стоунгрейв-Холл. Но хозяин даже не думал идти ей навстречу. После того как его несколько лет назад в день свадьбы бросила молодая женщина, отдавшая предпочтение ухажеру с более высоким титулом, у лорда Рокфорда появились веские основания для цинизма в вопросах, касавшихся женщин. Однако в светских кругах его все еще считали самым выгодным женихом.

– Как чувствует себя миссис Льюис? – спросил Лоуренс, не поднимая головы.

– Похоже, так же, сэр. Только что приехала ее дочь. Сейчас она у миссис Льюис.

– Понятно, – ответил Лоуренс невыразительным голосом. – Распорядитесь, чтобы ее привели сюда сразу после того, как я поужинаю.

Виктория все еще находилась у матери. Через полчаса в дверях показалась миссис Хью.

– Хозяин дома и приглашает вас к себе. Он внизу.

Немного нервничая, не желая заставлять лорда Рокфорда ждать, Виктория тут же поднялась. Преодолев лестницу, застыла. Мужчина перед камином показался высоким и смуглым. Было еще кое-что, она не могла определить. Это не пугало, но смущало. Он чуть опустил смуглую голову и задумчиво смотрел в огонь, водрузив ногу в сапоге на каминную решетку. Снял фрак, под мягкой батистовой рубашкой заиграли мышцы, когда он поднял руку и пригладил волосы. От него веяло силой, опасностью и неисчерпаемой энергией. Вспоминая свое поведение, когда они встретились на пустоши, Виктория испытала стыд и уже подумала, не вернуться ли в комнату матери, однако Лоуренс, видимо, почувствовал кого-то рядом, ибо повернул голову и уставился на нее. Их взгляды встретились. Он пристально глядел на нее, выражение его лица Виктории не удалось рассмотреть.

– Ну и ну, – произнес Лоуренс, заметив, что она тоже пристально разглядывает его. Вспомнил недавнее столкновение, и в нем проснулся дьявол. – Итак, вы Виктория Льюис. Мне следовало догадаться, хотя никто не ожидал, что вы так скоро вернетесь.

– Я узнала, что мать больна, поэтому покинула школу в конце пасхального семестра. Я сильно волновалась за мать. К тому же хотела преподнести ей сюрприз.

– Подойдите сюда. Мне хотелось бы ближе взглянуть на юную девушку, с которой недавно познакомился. Она взбесила мою спутницу.

Виктория повиновалась с некоторым опасением и подошла к нему. Смуглое суровое лицо лорда Рокфорда и сдвинутые брови придавали ему угрюмый вид. В нем чувствовалось нечто целеустремленное и недоступное, голубые глаза, сверлившие ее, источали холод и стальной блеск. Ни тепла, ни насмешливости – ничего, что смягчило бы черты лица, точно высеченного из гранита.

Однако сейчас Виктория испытывала не страх, а лишь некоторую робость, чувствовала приятный аромат, нечто вроде смеси пота, табака, кожи. Среди всего этого выделялся отчетливый конский запах.

Пока Виктория стояла, Лоуренс шагнул к ней. Не успела она опомниться, как он неожиданно нежно коснулся ее подбородка, приподнял голову, чтобы лучше разглядеть лицо. Пристально посмотрел на нее, точно изучая каждую черточку, глаза. «Что он хочет разглядеть?» – дивилась Виктория. Лоуренс кивнул, будто нашел то, что искал. Она отстранилась и чуть не споткнулась, стремясь быстрее обрести свободу, вдруг почувствовала интимность этого мгновения, близость лорда, взгляд, прикосновение руки, теплое дыхание на своем лице. Виктория отошла от него еще дальше, щеки залились румянцем.

– Лорд Рокфорд, вы всегда так пристально смотрите на людей, когда знакомитесь с ними? – открыто спросила она. – Я не привыкла, когда меня так изучают, очень нервирует. С моим лицом что-то не так, вы его так долго разглядываете?

– Мисс Льюис, уверяю, в вашем лице нет изъянов. – Легкая улыбка коснулась уголков его губ.

– Тогда все в порядке.

Лоуренс не заметил и следа той девушки, которую совсем недавно встретил на пустоши. Эта молодая женщина воплощала элегантность, утонченность и грацию. В ней ощущалась естественная и хрупкая прелесть. Лицо, точно скульптурный фарфор, говорило о том, что она обладает открытым, живым умом и неровным капризным характером. Такая девушка либо станет играть по своим правилам, либо вообще останется безучастной. Однако, глядя на нее, он почти почувствовал, сколь она наивна. Бесхитростный взгляд пробудил в нем охотника. Хотя взгляд больших янтарных глаз намекал на дремлющую страсть, Лоуренс вдыхал свежий дух молодости и силу, что вызвало в нем желание либо избавиться от нее, либо обнажить перед ней душу.

Он не сделает ни того ни другого, однако даже не попытался скрыть лукавую улыбку.

– Мисс Льюис, только не расстраивайте меня сейчас прилежным поведением, – заговорил он, вызывая сверкая глазами, будто ему лично бросили вызов.

Виктория напряглась от насмешливого тона, но и не думала обижаться, учитывая свое недавнее дерзкое поведение.

– Успокойтесь. Вы ведь не боитесь меня? Где та девушка, завоевавшая мое восхищение тем, как бесстрашно сцепилась с моей спутницей?

Виктория глубоко вдохнула, чтобы успокоить нервы.

Лоуренс указал на стул возле камина, приглашая ее присесть. Ее движения были грациозны, даже когда она скрестила лодыжки и спрятала их под стулом. Глядя на нее, Лоуренс искал в точеных чертах лица огонь, который заметил совсем недавно.

– Ну и характер у вас, мисс Льюис. Мисс Эллингем все еще дулась, когда я простился с ней.

Виктория опустила глаза, чувствуя, как от смущения вспыхнули щеки. Жаль, Лоуренс не собирался оказать ей любезность и забыть неприятный случай. Но она почти не сомневалась, Лоуренс его не забудет. Подняв голову, Виктория оказалась во власти его голубых глаз.

– Сэр, я была бы благодарна, если бы вы не напоминали мне о том случае. Наверное, вы считаете меня несносной женщиной, – подавленно сказала она.

– Нет, я думаю, вы, несомненно, самая храбрая.

– Вы так думаете? – удивилась Виктория. – Скажите на милость, почему вы так считаете?

– Вы не испугались мисс Эллингем.

– Я так рассердилась, что лишилась способности думать. Иначе этого не произошло бы. – Говоря непринужденно, Виктория чувствовала, как возвращается былая уверенность. – Возможно, наши отношения сложились бы иначе, если бы я встретила ее при других обстоятельствах.

– Да, но вы не испугались. Видите ли, это даже хорошо, ведь стоит только мисс Эллингем почувствовать, что другая женщина испугалась ее, как она не преминет использовать такой козырь в своих интересах.

– Правда? – Губы Виктории скривились в усмешке. – Вы говорите так, будто она жестокая фурия. К тому же вам следует учесть, что после долгого отсутствия я спешила повидаться с матерью. Надев самое лучшее, я хотела сделать ей приятное. – Виктория встала, развела руки, показывая на свое испачканное платье, и вздохнула от огорчения. – Как видите, все мои старания выглядеть элегантно обернулись катастрофой. Так выглядят деревенские девчонки, которым разрешают играть на пустоши целый день. Вы стали свидетелем того, что произошло, поэтому я больше не стану говорить об этом. Лишь замечу, вашей спутнице недостает манер леди. Угрозами меня не испугать.

– Значит, это также вопрос чести, – заметил Лоуренс.

– Наверное, это мой самый большой грех, – призналась Виктория.

– Мой тоже, – заметил Лоуренс, улыбнувшись. – Честь порождает упрямство, но и надеяет нас волей, которая помогает вынести превратности судьбы. Вам нравилось в школе-интернате?

– Да, очень. Сегодня я бы осмелилась сказать, что там надо мной хорошо потрудились, сгладив шероховатости характера. Однако, встретив вашу спутницу, я поняла, что приняла желаемое за действительное.

– Я бы так не сказал. Ее неожиданное появление верхом на скакуне вынудило вас броситься в канаву. А может, вы заколдовали ее лошадь?

– Я ничего такого не делала, да и лошадь мисс Эллингем не виновата. Вожжи были в ее руках. Она могла удержать животное, но, по-моему, вела себя безответственно. Из-за ее беспечности я могла стать калекой.

– Возможно, вы правы. Когда мисс Эллингем в седле, она нередко ведет себя безрассудно. Поэтому думаю, все, что вы сказали, оправдано. Мне жаль, что так вышло, но я рад, что никто серьезно не пострадал.

– Спасибо. Вы очень добры. Я сожалею о том, что так случилось, но не о том, что сказала ей. Она вела себя нагло и невежливо.

Лоуренс тихо рассмеялся, почувствовав удовлетворение оттого, что нашелся человек, готовый сцепиться с грозной мисс Эллингем.

– Снисходительность, терпение и понимание никогда не были ее сильными сторонами.

– Жаль, если я показалось грубой. Мне действительно следует учиться держать свой нрав в узде.

Лоуренс задумался на мгновение. Матери и гувернантки воспитали так много юных леди по одному образцу, что между ними было трудно разглядеть какую-либо разницу. Однако мисс Льюис обладала характером, который, по его мнению, никак не вписывался в этот образец.

– Итак, мисс Льюис, вы навсегда покинули школу.

– На этот счет не могу сказать ничего определенного. По правде говоря, учеба для меня закончилась в прошлом году, правда, зная, что я твердо решила учительствовать, мисс Карвер, директор школы, предложила мне остаться.

– Вы именно этим хотите заняться? Учить, как ваш отец?

– Да. Он внушил мне мысль, сколь это важно и только через образование можно преуспеть в жизни. Отец учил меня, когда я была еще маленькой, очень гордился моими успехами в школе и тем, что привил мне интерес к математике.

– И вас нисколько не беспокоит то обстоятельство, что из-за этого вас станут называть синим чулком?

– Отнюдь нет. Я понимаю смысл этих слов, поэтому не воспринимаю их как оскорбление. Я с пользой провела время в школе, но в отличие от некоторых учениц из богатых семей, которые с радостью выйдут замуж за джентльменов, готовых обзавестись умными женами, мне, как независимому человеку, придется всего добиваться самостоятельно, поэтому образование необходимо для моего будущего.

– Отец очень гордился бы вами.

– Мне хотелось бы думать так же. – Виктория дивилась, о чем подумал бы Лоуренс, если признаться, что отец посвятил себя профессии учителя и воспитывал дочь так, чтобы та в случае необходимости могла постоять за себя исключительно потому, что жена проявляла безразличие к супругу и ребенку, поскольку большую часть времени уделяла матери лорда Рокфорда, своего прежнего работодателя.

– Мне всегда хотелось идти по стопам отца, – продолжила Виктория. – Конечно, не для того, чтобы поступить в университет, ведь леди туда не принимают, а для того, чтобы остаться в школе-интернате и работать там учительницей. Мне надо думать о будущем, а перед молодой женщиной открывается не так уж много возможностей.

– Думаю, работа гувернантки может обеспечить юных и умных леди крышей над головой.

– Вот именно. Вместо того чтобы отправлять дочерей и сыновей в школы, во многих приличных семьях предпочитают, чтобы их обучением занимались постоянные гувернантки.

– Думаю, в такой должности вы не сможете перевести дух с утра до ночи. У вас совсем не останется времени для легкомысленных увлечений, которыми некоторые леди заполняют свои дни.

– Сэр, я не провожу время в праздном безделье, хотя у меня остается время заняться тем, что нравится.

– Правда? А мне кажется, вы глупостями не занимаетесь.

Виктория рассердилась. Неужели Лоуренс намекал на то, что находит ее неинтересной и некрасивой?

– Сэр, мы только что познакомились. Не могу представить, как у вас могло сложиться подобное мнение. Мне кажется, для этого у вас не было достаточно времени.

– Мисс Льюис, мне достаточно одного взгляда, чтобы распознать умную женщину. А когда это случается, я способен выразить лишь самое искреннее восхищение.

– Неужели? – неуверенно спросила Виктория.

– Да. Моя мать занималась совершенствованием образования юных леди и другими благотворительными делами. Ее можно считать настоящей святой.

– Сэр, я не святая. Отнюдь нет. – Сама мысль об этом заставила Викторию улыбнуться.

От столь неожиданной улыбки Лоуренс затаил дыхание и на мгновение утратил способность мыслить здраво. Он, Лоуренс Рокфорд, смущавший пристальным взглядом воров и бандитов на самых опасных улицах Европы и Америки, смотревший смерти в глаза, обнаружил, что в присутствии этой очаровательной девушки чувствует себя так, будто его загипнотизировали и лишили сил. Как это все нелепо!

– Мисс Льюис, вы уверены в том, что овладели школьными предметами и способны передавать знания другим?

– Надеюсь скоро получить разрешение на дальнейшее образование. Мисс Карвер поощряет меня в этом, а мать поддерживает мои намерения.

Сделав глубокий вдох, Лоуренс уставился на нее. Наконец-то они подошли к причине, по которой ее мать находится в Стоунгрейв-Холл.

– Вы уже виделись с матерью?

– Да. Она очень больна. Я благодарна вам за то, что вы привезли ее сюда. Мне хотелось бы отвезти ее домой, где я сама смогу ухаживать за ней, но мне сказали, что коттедж у нас отобрали. Нет ли здесь какого-то недоразумения?

– Нет. Ваши сведения совершенно точны.

– Извините, если покажусь сбитой с толку и весьма озабоченной, но я действительно не понимаю, что происходит. Я возвращаюсь домой и обнаруживаю, что у меня больше нет дома, а мать перевезли в Холл. Вы должны понять, эта неожиданность встревожила меня.

– Должно быть, все обстоит именно так, и я понимаю, сколь это вас встревожило, – последовал быстрый, решительный и резкий ответ. Лоуренс пристально взглянул на нее. – Вам здесь не нравится?

Виктория поймала его взгляд, отвела глаза. В ней снова начал просыпаться гнев, который охватил ее, когда миссис Ноулс сообщила, что коттедж готовят для нового жильца.

– Нет... просто...

Лоуренс заметил пламя, вспыхнувшее в ее глазах, до того как она отвернулась. Он прищурил глаза.

– Мисс Льюис, не спешите. Ваш нрав снова грозит вырваться наружу.

– Возможно, потому, что я не люблю, когда мне указывают, что делать.

– У меня тоже ужасный характер, – заметил он с ледяным спокойствием.

Виктория еще раз быстро посмотрела на него и с трудом сглотнула, встретив сверлящий взгляд голубых глаз. Потребовалось совсем мало времени, чтобы она потеряла власть над собой и вспыхнула. Ей следует лучше следить за эмоциями, но чувства били через край, и сделать это оказалось трудно.

– Вы не соизволите объяснить, что мне делать, если что-то случится с матерью? Где мне жить, раз у меня отняли дом? Должны же вы понять мои тревоги.

– Разумеется. Думаю, ваша мать все учла.

– Вы так считаете? Пожалуйста, объяснитесь.

– Думаю, мать вам все объяснит, если вы попросите ее об этом. Меня не посвятили в ее планы. Даже если бы посвятили, я не имел бы права обсуждать их с вами без ее разрешения.

– Да, разумеется. Извините. Мне не следовало спрашивать об этом. – Виктория возненавидела себя за то, что извинялась и трусила. Другая женщина метала бы громы и молнии, узнав, как он поступил, или же вышла из себя и ударила бы его по надменной физиономии. Но она даже не могла представить, что способна на такое.

– Как бы мне ни нравилась ваша смелость, вам следует сдерживаться и не распускать язык, – упрекнул Лоуренс. – Если вам это не удастся, вы устанете извиняться передо мной.

– Трудно молчать, когда узнаешь, что у тебя отняли дом, – ответила Виктория, с упреком глядя на него. – Вы отняли не только дом, но и мою свободу. Вы мне ничего не оставили.

– Я не согласен. Разве вам здесь плохо?

– Откуда мне знать? Я только что прибыла сюда.

– Прислуга позаботится о том, чтобы вы ни в чем не нуждались.

Повисла очередная пауза, после которой ее напряженность немного спала.

– Я это знаю и не хочу быть неблагодарной. Но предпочла бы ухаживать за матерью в собственном доме.

– Мне это понятно, но я не мог с вами посоветоваться, поскольку вас здесь не было. Решение оставить коттедж приняла ваша мама, и никто другой. С тех пор как Бетти прибыла сюда, ее положение все время ухудшается, – говорил Лоуренс с фамильярностью давно знако-

мого человека. – Она так больна, что ее нельзя перемещать. Даже если бы этот коттедж еще принадлежал вам, врач не посоветовал бы везти ее назад.

– Но... когда она поправится... – Виктория умолкла, заметив его взгляд. К горлу подступил ком. – Значит, мать не поправится?

– К сожалению, нет. – Лоуренс покачал головой. – Мне жаль, мисс Льюис.

– Да, мне тоже жаль.

– Она желает, и я желаю того же, чтобы вы остались в Холле. Тогда вы будете рядом с ней.

– Спасибо. Вы очень добры.

Лоуренс смотрел на нее, настороженно улыбаясь. Либо Виктория не слышала, поскольку не покидала пределы интерната, что он воплощение дьявола, либо страшно изголодалась по мужскому обществу и поэтому ничего не замечала. Как человека, почти не нуждавшегося в общении с себе подобными, его почему-то тронула ее робкая улыбка.

– Глупости, – сказал он уже ласковее. – Ваша мать проявляла доброту ко мне, когда я был мальчиком. Я очень любил ее. Многим ей обязан. Итак, вы подумаете о моем предложении и останетесь здесь? Наверное, вам уже приготовили комнату рядом с матерью.

Виктория чувствовала себя загнанной в угол, откуда не выбраться. Почему-то возникло тревожное чувство, будто от нее что-то скрывают. Странно, работодатель проявляет большую заботу о человеке, который работал в этой семье так давно.

– Да, мне хотелось бы остаться здесь. Однако... мой багаж. Мистер Смит, извозчик, должен утром доставить его в коттедж.

– Я попрошу Дженкинса, чтобы он распорядился привести ваши вещи сюда. – Взгляд Лоуренса скользнул по испачканному платью Виктории. – Не сомневаюсь, миссис Хью пока обеспечит вас всем необходимым.

Лоуренс заметил, что Виктория придерживает руку и нахмурился.

– Что с вашей рукой? Вы ушиблись, когда упали?

– Нет-нет, это случилось раньше, когда я приехала в Молтон. Один разгневанный джентльмен открыл дверцу экипажа, и та стукнула меня по руке. Боюсь, на руку пришлась вся сила удара.

– Сильно болит?

Совершенно покоренная любезностью, заботой и пониманием Лоуренса, чувствуя облегчение от того, что ее появление в этом доме не вызвало недовольства хозяина, Виктория покачала головой:

– Ничего страшного. Правда.

– Короче говоря, сегодня у вас сложился скверный день. Верно, мисс Льюис? Утром доктор Ферт придет к Бетти. Я попрошу его взглянуть на вашу руку.

– Не надо. В этом нет ни малейшей необходимости. Правда. Переломов нет, остались только синяки.

– Тем не менее лучше проверить.

Догадываясь, что разговор окончен, Виктория направилась к лестнице, затем остановилась и оглянулась. Лоуренс наблюдал за ней. Она решила, что он очень привлекателен, но ее взгляд привлекала не только приятная внешность. Дело в чем-то другом, неуловимом, чего она не могла понять. Виктория не удержалась и улыбнулась:

– Спасибо. Спокойной ночи.

Лоуренсу тут же пришли на ум две мысли: ему совершенно чужда шутливая беседа с юными леди, только что окончившими школу, но от улыбки Виктории захватывало дух. Эта улыбка начиналась в глазах, озаряла все лицо, делая и без того приятную внешность девушки пленительной. Стало очевидно: Виктория являет собой средоточие давно копившихся эмоций. В ней чувствовалось напряжение, волнение. Он провожал ее взглядом, пока та шла к лест-

нице. Его неожиданно взволновала походка Виктории. «Точно скаковая лошадь», – подумал он. Вдруг захотелось разглядеть ее ноги. Казалось, она не шла, а парила легко и плавно.

Лоуренс не помнил женщины, лицо которой менялось бы так, как у Виктории, когда та говорила о своей матери. Он был свидетелем того, как женщины, знавшие себе цену, загорались, чувствуя, что смогут получить от него что-нибудь ценное, после чего довольно убедительно изображали страстную нежность и заботу, и лишь сегодня увидел нечто подлинное. Теперь, в свои тридцать лет, ожесточившись до предела, он взглянул на мисс Льюис, поддался соблазну и по-настоящему удивился.

– Спокойной ночи, мисс Льюис. Желаю вам крепкого сна.

Виктория нашла свою комнату. Устроившись в постели, начала мысленно перебирать события истекшего дня. Казалось, Стоунгрейв-Холл станет ее домом, пока мать... Виктория прикусила губу, чтобы унять дрожь, и гнала такую мысль прочь. Было невыносимо думать и об этом, и о том, что случится с ней после всего, слишком больно, она почувствовала себя беспомощной. Но не только создавшееся положение сделало ее беспомощной, свою роль сыграл и хозяин Стоунгрейв-Холл, смуглый потрясающий Лоуренс Рокфорд. Виктория призналась себе, что испытала некоторое волнение при первой встрече с ним. В нем чувствовалась холодная сила, мощная и притягательная, не имеющая ничего общего с его высоким ростом и широкими плечами, нечто скрытое от женских глаз. Как любая другая женщина, встречавшаяся с ним, Виктория думала о том, на что придется пойти, чтобы разобраться в этом и раскрыть истинную сущность этого человека.

Солнечный свет лился в комнату Виктории через раздвинутые занавески окна. Где-то внизу, во дворе, раздался цокот лошади, пробудивший ее от сна. Смутно догадавшись, что спит не в постели школы, она открыла глаза и вспомнила мать.

Помывшись и одевшись, Виктория тут же отправилась проведать ее. Мать спала, опустив голову на подушки. Среди них ее лицо казалось почти белым. Не желая ее будить, девушка оставила при ней сиделку, которую нанял лорд Рокфорд, нашла путь к кухне и решила позавтракать. Дом был просторным и уютным. Заглянув на ходу в некоторые комнаты, она обнаружила в них очаровательные предметы мебели, позолоченные кресла, обитые роскошной дамасской тканью, изящные диваны, соответствующего цвета стены, ковры, в которых утопали ноги, мраморные каминные с блестящими стальными решетками.

Позавтракав, Виктория вышла из дома через заднюю дверь и совершила небольшую прогулку по парку. Воздух был чистым, в ясном голубом небе сияло солнце. Все здесь дышало свежестью и чистотой. Кругом расположились просторные лужайки. Два садовника трудились среди клумб. Красная белка пронеслась по траве и взбежала по стволу дуба, игриво вильнув пушистым хвостом, и исчезла.

Позади дома находились каретные сараи и конюшни. Серый и бледно-медовый цвет камня, из которого все это, включая дом, было построено, приобрел мягкие неподвластные времени оттенки.

Виктория не заметила мужчину, который задумчиво наблюдал за ней из окна своего кабинета. Будто почувствовав это, она обернулась и посмотрела в его сторону. Он отвернулся.

Виктория наслаждалась спокойствием и приятным свежим воздухом, с восторгом прислушивалась к трелям черного дрозда. Вдруг к дому быстро подъехал экипаж и остановился со страшным скрежетом. Навстречу выбежал грум, молодой человек бросил ему вожжи, спрыгнул на землю и стал решительно подниматься по парадным ступеням дома.

– Добрый день, мистер Рокфорд, – нараспев произнес Дженкинс, открывая дверь и проходя внутрь.

– Мой брат дома? – спросил Натан Рокфорд, передавая ему шляпу и перчатки. Он явно был чем-то взволнован.

– Да, сэр. Он в своем кабинете.

Натан прошел мимо него в вестибюль, его быстрые шаги явно говорили о страшном гневе. Он распахнул дверь и оказался перед старшим братом, которого последний раз видел в Лондоне два месяца назад. Лоуренс погрузился в гроссбухи, лежавшие на письменном столе, однако поднял голову, заметив брата, отодвинул стул и встал, чтобы приветствовать его.

– Натан! Рад твоему возвращению. Как Париж... и как Диана?

– Ну, с ней все в порядке. Однако я пришел сюда не для того, чтобы говорить о Диане или Париже. Лоуренс, поверить не могу тому, что ты сделал! Должен признаться, я был оскорблен, прочитав твое письмо. Как ты мог привести эту... эту *женщину* сюда! С подобным нельзя мириться! Полагаю, она еще здесь?

– Если ты говоришь о Бетти, да, она здесь.

– Тогда она должна уехать. И немедленно.

Натан одарил брата обворожительной улыбкой, пользуясь которой с самого детства добивался от него всего, чего хотел, но на этот раз она не сработала.

– Нет, – твердо ответил Лоуренс, не испугавшись растущего гнева. – Натан, Бетти останется.

Виктория шла через вестибюль к лестнице. Заслышав громкие голоса, доносившиеся из-за закрытой двери, она остановилась, затем хотела идти дальше, но, услышав имя своей матери, застыла на месте. Почувствовала, как холод проникает в каждую клетку ее тела, когда разобрала последовавшие слова. Они ужалили так больно, будто она наступила на осиное гнездо.

На виске Натана, пока тот пытался обуздать свой гнев, пульсировала вена.

– Будь осторожен, Лоуренс. Вороша прошлое, ты рискуешь выставить грязное семейное белье на всеобщее обозрение.

– Этого не произойдет.

– Почему ты так уверен? Присутствие этой женщины не предвещает ничего хорошего. Оставить ее в Стоунгрейв-Холл – значит подвергнуть опасности наше благополучие. Если мы хотим избежать громкого публичного скандала, она должна покинуть этот дом. Ради бога, Лоуренс, она не должна находиться здесь. Я весьма огорчен твоим поступком. Почему ты не посоветовался со мной? Разве мое мнение в таком важном вопросе для тебя ничего не значит?

– Конечно, значит, но тебя тогда здесь не было.

– Даже если бы я был здесь, сомневаюсь, что тебя взволновали мои соображения на этот счет. В прошлом я всегда уважал твое мнение, но не могу сказать то же самое сейчас. Объясни, ради бога, мотивы своего поступка!

– Ты знаешь. Я обещал нашей матери, что о Бетти позаботятся, если ей понадобится помощь. Вот время и пришло.

– Мать уже умерла, а нога этой женщины не ступала в этот дом более двадцати лет. Однако ее присутствия тебе недостаточно, ты распространил свое гостеприимство и на ее дочь. В это трудно поверить, невозможно объяснить, – гневно выговаривал Натан, отчаянно приглаживая волосы и расхаживая по ковру.

– Мисс Льюис тут ни при чем. Ты должен понимать это.

– Неужели! Тогда следует дать понять, что я не желаю видеть ее здесь. И ты прекрасно знаешь причину этого.

– Знаю, – резко ответил Лоуренс, – мне очень трудно скрывать от нее правду, пока она здесь. Натан, если бы ты только мог все рассказать ей. Или хотя бы позволь мне сделать это.

Натан побледнел и посмотрел на брата с отчаянием и мольбой. Неожиданный страх затуманил его взор.

– Нет, Лоуренс. Умоляю, не делай этого, – просил он тихим хриплым от напряжения голосом. – Мы с Дианой только что вернулись после медового месяца. Это выше моих сил. Я бы не вынес подобных... объяснений. Ради бога, прошу тебя, пусть это останется между нами.

Лоуренс промолчал и кивнул, видя полный муки взгляд брата.

– Ладно. Пусть будет так.

– Спасибо. Для меня это много значит. Я уверен, мисс Льюис способна позаботиться о матери в собственном доме. Тогда ей не придется слоняться по Холлу, точно нищенке или обительнице благотворительного приюта.

– Нет, – резко возразил Лоуренс. Он был готов хранить семейную тайну ради Натана, но не собирался выгонять Бетти и ее дочь из своего дома. – Бетти очень плоха, ее нельзя перемещать. Натан, что бы ты ни думал по этому поводу, они обе останутся здесь. Так что, тебе придется привыкать к этому.

– Я не собираюсь привыкать! – Натан отреагировал на слова брата с крайним недовольством. – Привыкать к девчонке, место которой среди кухарок!

– Натан, прекрати. Виктория никогда не станет работать на кухне, и ты прекрасно знаешь это, как бы тебе ни хотелось делать вид, будто ее не существует. Она дочь школьного учителя, чей отец служил в армии и имеет офицерский чин. Бетти происходит из старинного аристократического рода Несбитов из Камбрии⁵. Ее семья пережила трудные времена, родители умерли. Вот почему ей пришлось работать горничной.

– Лоуренс, боже милостивый! Мы что, уже стали их наследниками? – возразил Натан насмешливым тоном. – Я так и знал.

– Ты должен понять, я привез Бетти сюда не потому, что мне что-то взбрело в голову. Я долго думал об этом.

– А ты не подумал, как это скажется на ее дочери?

– Подумал, но у Бетти чахотка, за ней требуется уход. Она моя главная забота. Прошу тебя, смирись с этим.

– Ты не понимаешь, чего просишь у меня. Я никогда не смирюсь с этим! Пусть я больше не живу в этом доме, он все еще остается семейным очагом, поэтому я хочу, чтобы Бетти покинула его вместе с дочерью.

– Натан, я знаю, ты не так бессердечен и черств, каким кажешься сейчас. Представь, как мисс Льюис должна чувствовать себя в чужом доме, когда ее мать одной ногой в могиле. – Видя, что брата его слова не проняли, Лоуренс потерял терпение. – Натан, черт тебя подери! Ты уже забыл, что пережил, когда умер наш отец? Ты же был не в себе. Подумай, как Виктория почувствует себя, когда ее мать умрет. Ты ведь уже познал смерть и утрату. Или забыл, какую боль это причиняет?

Оба брата смотрели друг на друга. Лицо старшего помрачнело. Он поджал губы, сурово уставился на младшего. Увидел в его глазах то, о чем обоим не следовало говорить или упоминать из опасения, что прошлое может ожить, поставив их перед смертельно опасной угрозой. Поэтому лучше все утаить, спрятать подальше как можно дальше.

Борясь с собственными чувствами, Натан пристально смотрел на брата, затем резко повернулся, подошел к двери, остановился и оглянулся.

– Ноги моей не будет в этом доме, пока миссис Льюис и ее дочь не покинут его.

– Натан, если ты так решил, дело твое. Я всегда рад твоему приезду. Ты знаешь это.

От злости Натан лишился дара речи и вышел. Старший брат сердито глядел ему в след. Закрыв дверь, Натан чуть не столкнулся с существом, которое стало причиной его гнева и отчаяния. Потрясенный сюрпризом – или, может быть, страх застлал ему глаза, – он тут же пришел в себя.

⁵ Камбрия – название графства.

– Глазам своим не верю! Не та ли вы девушка, с которой мы с женой вчера столкнулись в Молтоне?

– Да, – натянуто ответила Виктория. Сказанные Натаном слова еще обидно звучали в ее ушах. – Та самая.

Услышав достаточно из разговора братьев, Виктория испытывала тошнотворное унижение и хотела скрыться в своей комнате, однако решила не отступить и посмотрела ему прямо в глаза. В отличие от Лоуренса, Натан ростом был чуть выше ее и лет на пять старше. Не походил на брата, у него были светлые волосы и более тонкие черты лица. В отличие от Лоуренса, в нем не чувствовалась аура силы и властности.

– Насколько я понимаю, вы мисс Льюис? – На его угловатом лице отразилось растущее потрясение.

– Да.

– По выражению вашего лица можно догадаться, что вы подслушали, о чем я говорил с братом.

– Да, по крайней мере большую часть разговора.

– В таком случае нет необходимости повторяться. Прежде чем продолжить разговор, вам следует разобраться в своем положении. Как только что-то случится с вашей матерью, вы покинете этот дом. Понятно?

– Не говорите глупостей! Неужели мне захочется оставаться здесь больше, чем необходимо, после того, что я услышала? Сама устрою свою жизнь, – ответила Виктория резко и решительно. – От голода не помру.

– Должен признаться, вы дерзки.

– Я плачу вам той же монетой, вот и все.

– Ваша дерзость весьма неприятна!

– Пусть это вас не беспокоит. Ваши замечания мне безразличны. Однако в следующий раз имейте приличие высказывать их не за моей спиной.

– Мисс Льюис, возможно, у моего брата не все дома, когда дело касается вашей матери, – заметил Натан холодно, – но что касается меня, я бы советовал вам слишком долго не пользоваться его гостеприимством. Я вас предупредил.

– Гостеприимство? – Виктория приподняла брови. – Вряд ли это подходящее слово. Что же касается вашего предупреждения, я воспринимаю его как угрозу. Однако и сама желаю именно этого, – ответила ему Виктория столь же холодно.

– Хорошо. Значит, договорились.

– Совершенно верно. Теперь по поводу того, что вы здесь наговорили, – продолжила Виктория тихим дрожащим от негодования голосом. – Я не нищенка и не прошу милостыни. Моя мать не просила, чтобы ее привозили сюда, уж не говоря обо мне. Не понимаю, почему лорд Рокфорд настоял на том, чтобы перевезти мать в Холл. Но одно совершенно ясно: окажись я дома, этого не случилось бы.

– Совершенно верно, – согласился Натан, храня угрюмое лицо, его глаза горели такой ненавистью, будто он вслух произнес проклятие. Не проронив больше ни слова, он пересек вестибюль и вышел, но Виктория заметила в его взгляде боль.

Она смотрела ему вслед, встревоженная не тем, что он сказал о ее присутствии в Холле, а его отношением к ней как к человеку. Он вел себя так, будто она что-то значила для него, удивила его. Более того, увидев ее, он испугался. Здесь что-то неладно, странно. Придется все выяснить. Это обстоятельство очень важно, на него нельзя закрывать глаза.

– Мне жаль, что вам пришлось выслушать это, – раздался голос Лоуренса. Он вышел из кабинета вслед за братом и пристально глядел на нее.

– А мне не жаль, – ответила Виктория, вне себя от негодования. – Прежде чем вы продолжите говорить, замечу, я не подслушивала. Ваш брат пытался замарать и честное имя моей

матери, и мое, столь громко, что это слышал весь Эшкомб. Как он посмел? Он оскорбил мою мать, я этого никому не позволю. Такой доброй и ласковой женщины не найти на всем свете, правда, столь высокомерному человеку, как ваш брат, никогда не понять. Все это случилось по вашей вине. Мне неприятно находиться здесь.

Крепко сжав кулаки и держа руки по швам, Виктория направилась к лестнице и поднялась в свою комнату, где принялась запихивать вещи в сундуки, которые привезли в Холл чуть раньше. Мысль о том, чтобы хоть немного пробыть здесь, стала ей ненавистна. Вдруг дверь распахнулась. Виктория подняла голову, встретившись взглядом с лордом Рокфордом, холодным и надменным. Он приподнял брови. Виктория отвела взгляд и продолжила собираться.

– Кто-то должен был объяснить вам, что в дверь, прежде чем входить, следует постучать.

– Но ведь дверь была приоткрыта, – насмешливо ответил Лоуренс.

– Хорошо воспитанные юные леди не оказывают гостеприимства в своих спальнях джентльменам, которые не приходятся им мужьями. Но поскольку я не вхожу в их число, ко мне это вряд ли применимо, – сухо ответила Виктория.

Лоуренс осознал, какой проступок совершил, войдя сюда. Сделал вид, будто ничего не случилось. Заметив сундук, насмешливо посмотрел на Викторию:

– Вы куда-то уезжаете?

– В Эшкомб. – Виктория запихивала в сундук щетку для волос.

Глава 3

Лоуренс подошел к окну и уселся на край подоконника, беспечно скрестил руки на груди, что еще больше вывело Викторию из себя.

– К чему это?

– Я не останусь, раз мне дали понять, что мне здесь не место. Поеду к миссис Ноулс, не стану задерживаться здесь.

– А как же ваша мать? Вы намерены бросить ее? Ведь она больна, ее нельзя перевозить.

Виктория перестала собирать вещи и сердито взглянула на него. Слезы обожгли глаза. Ресницами она сердито смахнула их. Если она не выдержит и расплчется, полностью окажется в его власти. Она не доставит ему такого удовольствия.

– И не пытайтесь сделать из меня козла отпущения. Я ни за что не брошу мать. Разве вы не понимаете, что поставили меня в безвыходное положение, привезя ее сюда? Если бы вас беспокоило ее здоровье, следовало послать за мной. А до моего приезда миссис Ноулс позаботилась бы о ней. В действительности ваше вмешательство лишь осложнило положение.

Лоуренс резко сдвинул брови и прищурил глаза, но полностью овладел собой, когда заговорил:

– Вмешательство? Вы ошибаетесь. Прежде чем обвинять меня в том, что я похитил вашу мать, следует взглянуть на себя. Похоже, вы забыли о том, что учеба в школе закончилась прошлым летом. Ваша мать болеет уже давно. Если бы вы не уехали продолжать образование, остались дома, могли бы сами ухаживать за матерью вместо того, чтобы взвалить эту заботу на плечи других. Ее здоровье быстро ухудшалось. Я распорядился привезти ее в Холл, где мог полностью контролировать уход за ней.

Эти слова прозвучали как оскорбление и ранили, точно острое лезвие.

– Следить? – язвительно спросила Виктория, хотя должна была дрогнуть под его ледяным взглядом, но разозлилась, и ее было уже не запугать. – Моя мать не чья-либо собственность, лорд Рокфорд.

– Мисс Льюис, теперь вы оскорбляете меня. – Слова Лоуренса прозвучали, точно удар хлыста. Он сверлил Викторию холодными глазами. – Я привез вашу мать сюда и не должен оправдываться за это даже перед вами, даже если вы приходите к ней дочерью. Главное, что она в этом доме и за ней ухаживает моя прислуга, а теперь и за вами, поскольку вы здесь.

Виктория сердито глядела на него, на щеках горели два ярких пятна. Она не отвела глаз, но мало что могла сказать в свою защиту. В некотором смысле Лоуренс прав. Прошлой осенью здоровье матери ухудшилось, и ей не стоило уезжать. Но мать поддерживала стремление Викторией стать учительницей, настаивала на том, чтобы она продолжала образование, мать надеялась, что это поможет ей удачно выйти замуж.

– Вам нечего сказать в свое оправдание?

– Какой смысл? Похоже, вы уже все сказали.

– Вы все же решили ехать в Эшкомб?

– Да, но это вас не касается. Вы невежливы, у вас диктаторские замашки, а я не могу мириться с тем, что вы выказываете свое мужское превосходство. Я здесь не задержусь ни минутой дольше, чем это необходимо.

Лоуренс чуть насмешливо приподнял брови, в его глазах явно зарождалась искорка уважения.

– Все так плохо.

– Гораздо хуже, чем вы думаете. К тому же вы невыносимо бесцеремонны.

Лоуренс смотрел на нее со снисходительной усмешкой.

– А вас, мисс Льюис, с таким ядовитым языком не назовешь образцом совершенства.

Виктория подняла голову и высокомерно посмотрела на него:

– В таком случае, лорд Рокфорд, мы одного поля ягоды.

– Мисс Льюис, догадываюсь, все это вывело вас из равновесия, но, учитывая сложившиеся обстоятельства, вы должны понять, меня это вывело из равновесия больше, чем вас.

– Следовательно, нас обоих устроит, если я покину этот дом. Буду приходить сюда каждый день, чтобы находиться рядом с матерью, если не возражаете. Находиться здесь мне противно, к тому же не хочу служить яблоком раздора между братьями.

– Вы не яблоко раздора.

– Вам меня не провести.

Черные брови Лоуренса насмешливо взмыли вверх.

– А что вы скажете в Эшкомбе? Дескать, хозяин Стоунгрейв-Холл выгнал вас?

– Нет. Я не из тех, кто сплетничает. – Виктория застыла и посмотрела на него в упор. – Ваш брат явно расстроен тем, что моя мать здесь. Откровенно говоря, я бы рискнула сказать, что он говорит о ней с нескрываемой враждебностью. Чем это объяснить?

– Это не имеет значения.

– Возможно, для вас, но не для меня. В чем дело? Думаете, моя бедная голова не выдержит правды? Что вы скрываете от меня?

По глазам Лоуренса ни о чем нельзя было догадаться. Чувствуя вину и страх, он избегал ее вопрошающего взгляда. Тихо выругавшись, понял: Виктория будет чувствовать себя обманутой, что бы он ни сказал ей сейчас, если откроется правда. Из-за этого, да и того обстоятельства, что он ничего не скажет ей, поскольку обещал Натану молчать о причине появления Бетти в Стоунгрейв-Холл, Виктория станет презирать его, когда все выплывет наружу. Но не так сильно, как он презирал себя.

– Натан не может понять, с какой стати умирающую женщину, когда-то работавшую на мою мать, привезли сюда и ухаживают за ней. Все объясняется просто. Моя мать очень любила Бетти и ясно дала понять, чтобы о ней позаботились, если понадобится.

– Я не верю вам. Здесь что-то другое. Я это чувствую. Ожесточенность вашего брата, даже осмелюсь сказать, он ненавидит мою мать. Это видно. Я слышала, как он говорил вам, что его нога не переступит порог этого дома, пока она не уедет отсюда, а это вынуждает меня предположить: нет дыма без огня. Натан говорил о том, что все узнают о грязном семейном белье. Поэтому я должна спросить, как женщина на пороге смерти могла стать такой страшной угрозой для вашей семьи.

– Мой брат разозлился. Он все преувеличивает.

– Я так не считаю. Вы что-то скрываете от меня. Клянусь, лорд Рокфорд, я все равно узнаю. А сейчас, если не возражаете, мне хотелось бы, чтобы вы ушли и позволили мне собрать вещи.

– Забудьте об этом, – холодно ответил Лоуренс. – Вы никуда не поедете.

– Не припомню, чтобы я просила у вас разрешения, – с вызовом ответила Виктория.

Лоуренс угрюмо смотрел на нее. Он не привык слышать возражений от взрослых людей, а этой девчонке все нипочем. В другой раз он бы открыто посмеялся над ее храбростью, однако еще не прошли раздражение и досада от разговора с братом.

подавив неожиданное желание говорить вежливо, он резко выпалил:

– Этого и не требуется. Я все равно не дал бы разрешения.

– Тогда, пожалуйста, оставьте меня. Я жалею, что пришла сюда и познакомилась с вами. Я этого не желала, не напрашивалась. Это произошло помимо моей воли. – Виктория дышала так, будто ей не хватало воздуха. – Разве не понятно, вы мне неприятны!

Лоуренс смотрел на гордую юную красавицу, уставившуюся на него, точно разгневанный мстительный ангел, и понял, что та вот-вот расплачется. Он почувствовал угрызения совести, но тут же подавил это чувство.

– Знаю. Я стану вам еще неприятнее после того, как скажу все. – Лоуренс отвернулся, остановился в дверях и оглянулся. Гневный взгляд приковал ее к месту. – Я не шучу. Вы останетесь здесь. Если вашей матери ночью станет хуже, буду вынужден посылать за вами. Вы можете опоздать. Вы подумали об этом? – И вышел, оставив Викторию подавленной и опустошенной.

Конечно, он прав. Суровая правда заключалась в том, что мать столь больна и ее нельзя перевозить. А если покинет Холл, она рискует больше не застать ее живой.

Опустившись на кровать, Виктория думала, что не сможет покинуть это место, ругала лорда Рокфорда на чем свет стоит за то, что он оказался прав. Невидящим взором уставилась на закрытую дверь. Сердце сильно билось от досады. Ее охватили ранее не испытанные чувства: гнев, унижение, пронзительная боль. Казалось, что она осталась совсем одна. Неожиданно всего за один день жизнь запуталась. Виктория целые сутки не знала, что с ней происходит и чего от нее ждут, а теперь, похоже, не осталось иного выбора, как жить и ждать в доме чужого человека, пока все не закончится.

Несколько дней Виктория не виделась с лордом Рокфордом. Подозревала, что тот не теряет бдительности и держит всех на почтительном расстоянии, ловко прикрываясь маской вежливости. Окружающие относились к нему настороженно, точно к великолепному сильному хищнику, восхищались и одновременно боялись.

Виктория догадывалась, что ее присутствие в Стоунгрейв-Холл стало источником многих сплетен и пересудов среди слуг. Казалось, в каждом углу она натывается на них, а их так много. Похоже, никто не знал, как к ней относиться. Виктория не была ни гостьей, ни членом семьи, всего лишь дочерью прежней горничной. Но она получила образование в какой-то элитной школе Йорка, поэтому не такая, как все. Однако, узнав, что ей предстоит есть либо на кухне, либо в своей комнате и пользоваться благосклонностью миссис Хью и Дженкинса, они смирились с ее присутствием в доме и занимались своими делами.

Желая подышать свежим воздухом, Виктория на короткое время покинула комнату больной матери. Почувствовав запах цветов, сделала глубокий вдох. Остановилась в уединенном месте парка. Достав из кармана апельсин, она села на каменную скамью и начала чистить его, засовывая кусочки шкурки в карман, чтобы потом выбросить.

Лоуренс, появившийся из-за постриженных в форме птиц кустов, заметил ее и застыл на месте. Неравнодушным взглядом зачарованно уставился на нее. Сидевшая на скамье мисс Льюис являла собой привлекательное зрелище. Чуть наклонив голову, сосредоточила все внимание на апельсине. Лоуренс отчетливо разглядел ее аристократический профиль с изящными скулами и маленьким носом. Солнечные лучи золотистыми бликами отражались на ее густых каштановых волосах, водопадом спускавшихся на плечи. Длинные изогнутые ресницы отбрасывали тени на гладкие щеки. Виктория прикусила нижнюю губу, продолжала делить апельсин и уже собралась полакомиться одной сочной долькой, когда заметила, что к ней приближается лорд Рокфорд. Она увидела его впервые после визита Натана и, вспомнив сердитую перепалку между ними, пыталась представить, как он сейчас относится к ней. И вдруг насторожилась. Украдкой взглянув на его точеный профиль, Виктория подивилась силе и гордости, отражавшейся в каждой черточке этого поразительно красивого лица.

Встав перед ней, Лоуренс уставился в ее лицо. Тело Виктории напряглось, на полупрозрачную кожу под глазами падали темные тени.

– Как дела у вашей матери? – тихо спросил он.

Викторию поразила его неожиданная доброта и вежливый голос.

– Она очень больна, – Виктория обрадовалась тому, что его злость после их последней встречи рассеялась, – уже не кашляет так часто и много спит. Думаю, это ненадолго.

Лоуренс кивнул, храня мрачное выражение лица. Виктория расстроилась, он это видел и решил проявить к ней заботу и доброту, чего требовало создавшееся положение. Сейчас она нуждалась в силе духа, который он мог поднять, а не в ужасных откровениях, что неизбежно случится потом.

– Мне грустно слышать это. Мисс Льюис, я не совсем бессердечен, не совсем равнодушен к вашему положению.

– Я это знаю.

– Я работал в кабинете, когда заметил, что вы вышли сюда. – Он бросил взгляд на парк. – В такой день грех сидеть в четырех стенах.

– И вы решили выйти.

– Вроде того. Хотел извиниться перед вами за тот день. Вы были расстроены...

– Расстроена и сердита, но я жду ответов на вопросы. – Виктория прервала его, желая казаться высокомерной, холодной и недоступной, но только не удрученной, ибо это означало бы слабость и беспомощность.

Лоуренс отвел взгляд, чтобы не видеть озадаченно-пристальное выражение ее больших глаз. Обнаружилось, что ему становится все труднее прибегать к уловкам и молчанию, к чему его вынудил Натан.

– Услышав слова брата, вы имели право рассердиться. Но я не сделал ничего такого, что могло бы вызвать ваш гнев, лишь хотел убедиться, что за вашей матерью ухаживают должным образом. – Лоуренс пристально взглянул на Викторию. – Вы и вправду считаете, что за это я заслужил враждебность с вашей стороны?

Она с трудом сглотнула и отвела взгляд, чувствуя себя смущенной, несчастной, не совсем правой, но и не совсем неправой.

– Я... я даже не знаю, что и думать. Не знаю, чего вы заслуживаете.

К ее удивлению, в глазах Лоуренса, наблюдавших за ней, не было заметно признаков обиды. Вместо этого он лишь скривил губы.

– Что бы вы ни хотели сказать, поберегите это для моего брата.

– Натан очень рассердился. Прошу прощения за то, что обвинила вас во вмешательстве, когда вы решили привести мою мать сюда. Возможно, по мне это не заметно, но я действительно благодарна и уверяю вас, лорд Рокфорд, у меня нет желания нарушать покой ваших домочадцев.

Этот искренний взгляд, испытующий, задумчивый, признательный, заставил Лоуренса почувствовать себя отвратительным мошенником. Он помолчал, затем широко улыбнулся:

– Спасибо. Я ценю вашу откровенность. Надеюсь, слуги оказывают вам должное внимание.

Виктория посмотрела в его голубые глаза и почувствовала, как ее тело покалывает. Она захлопала глазами, нахмурилась.

– Хорошо, что вы спросили. Да, спасибо. Все очень добры ко мне.

– А дом вам нравится?

– Очень, кому же он может не нравиться? – спросила Виктория с восторгом и теплотой в голосе. Она опустила глаза. Возникло странное ощущение, будто ее нервы оголились. Непонятное ощущение. Хотелось приписать его ветерку, но ведь было совсем не холодно.

Лоуренс, стоявший рядом, приподнял брови, на его губах играла улыбка хищника. Платье Виктории вряд ли можно было назвать модным, но оно ладно облегалo фигуру, подчеркивая ее изящность, что вызвало у Лоуренса желание ощутить ее теплоту.

– Вы с братом близки? – осмелилась спросить Виктория.

Подняв голову, он поймал ее взгляд.

– Близки настолько, насколько могут быть братья. До тех пор пока он не женился на Диане Эллинге и не купил Грейндж, расположенный на полпути между этим местом и Кранбеком. В мое отсутствие он управлял имением.

– Теперь вы вернулись и можете заняться этим сами. – После некоторой заминки Виктория пыталась поймать его взгляд.

– Временно. Я веду дела в Лондоне, где провожу большую часть времени. Либо там, либо на борту своего корабля, на котором часто ухожу в другие края.

– Это интересно. Как называется ваш корабль?

– Мисс Льюис, я владею целой флотилией, правда, мне больше нравится «Сарацин». Видите ли, это было мое первое судно. Я очень горжусь им.

– Разве кораблям обычно не присваивают женские имена?

– Только не у меня.

– Почему?

– Так надежнее.

– А женщины ненадежны. – Виктория наклонила голову.

В ответ он криво улыбнулся, как человек, потерявший вкус к жизни, и покачал головой.

– Вижу, вы циник, лорд Рокфорд, – заметила Виктория и улыбнулась.

– Совершенно верно, но меня не изменить. Вы бывали в Лондоне?

– Нет, но мне всегда хотелось побывать там. Моя подруга Амелия Фенвик собирается туда этим летом вместе с родителями. Ее бабушка леди Элсуорти живет в северной части Лондона. Меня пригласили поехать с ними.

– И?..

– Я отклонила приглашение, когда мать в таком положении.

– Да, разумеется. Кстати, как ваша рука? Надеюсь, лучше.

– Да, спасибо, намного лучше.

– Я рад слышать это. Идем. Прогуляемся немного.

Виктория заметила, что Лоуренс не просил, а приказывал. Какое-то время они шли молча, потом он остановился и взглянул на ее апельсин:

– Смотрится аппетитно. Вы собирались отведать его, но я помешал. Не стесняйтесь меня.

Не зная, что делать, Виктория отправила сочную дольку себе в рот. Во рту разлилась пикантная сладость, по подбородку заструился сок.

Лоуренс смотрел на нее, испытывая соблазн наклониться запечатлеть на ее устах сочный поцелуй. Она стала искать носовой платок и, к своему стыду, обнаружила, что не может найти.

Лоуренс тихо рассмеялся:

– Похоже, апельсин вкусный.

Виктория кивнула и робко улыбнулась, прикрыв от смущения рот тыльной стороной ладони.

– Кажется, я забыла носовой платок.

– Вот, позвольте мне. – Лоуренс достал свой платок, встал перед ней, осторожно взял ее одной рукой за подбородок, а другой несколько раз провел по нему платком. Закончив, он опустил одну руку, оставив другую на прежнем месте. Взгляд Лоуренса был прикован к устам Виктории, он провел большим пальцем по ее губам так нежно, будто их задела крылья бабочки.

Внизу живота Виктории что-то шевельнулось, она уставилась на него. Будто прочитав ее мысли, тот заглянул ей в глаза. Когда их взгляды встретились, она потеряла дар речи, с трудом сглотнула, чувствуя, как вдруг краснеет ее лицо и все тело охватывает жар. Она была не в силах отвести взгляд, затаила дыхание. Сердце громко стучало. Бездонные голубые глаза Лоуренса напоминали два тлеющих сапфира. Он медленно повернул голову, наверное предоставляя ей время отойти от него. Или закричать. Или остановить его. Виктория продолжала стоять.

Оба смущенно смотрели друг на друга. Между ними витало нечто волшебное, точно натянутая струна скрипки. Кажется, парк уменьшился, солнце стало ярко-золотистым. Его лучи играли на настороженном лице Виктории, нежных щеках, отражались в глазах.

Зачарованный ее янтарными знойными глазами, Лоуренс не мог отвести взгляд. И снова Виктория бросила вызов его ожиданиям. Вместо того чтобы бежать в праведном гневе, приличествующем воспитанной девушке, она застыла невинной соблазнительницей, исполненной изяществом и скромным очарованием. Чего она ждала от него? Лоуренс находил ее физически желанной, но опасался, что при более длительном знакомстве она станет для него неотразимой. Ее грудь быстро вздымалась в томном предвкушении, в руках все еще был апельсин. Их разделяли несколько дюймов, лица почти прикасались, Виктория продолжала стоять на месте. Лоуренс чувствовал ее теплое нежное дыхание на своей руке, изучил каждый замысловатый изгиб завитушек ее роскошных волос. Не мог понять, почему она ослепила его. Сложилось впечатление, будто он слишком долго смотрит на яркий свет солнца. Виктория притягивала таинственной силой, преодолевая врожденное чувство осторожности и воли. Чем больше Лоуренс приближался к ней, тем безнадежнее терялся, его чувства устремились к какому-то возвышенному блаженству. Виктория стояла перед ним пленительной богиней. Солнечные лучи играли на серебристой шелковой вышивке ее платья. Лоуренс смотрел на нее не только с физическим вожделением, ее глаза обещали возвышенное дружеское общение, которого ему уже давно не хватало. Сознание пробуждалось, в памяти мучительно воскресло другое время, другая девушка. Инстинкт самосохранения предупреждал его о тысяче опасностей, однако, точно мерцающие отблески пламени, больно рая неумолимую волю, все еще теплилась надежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.